

Юрий Лейдерман

Анна Ермолаева

Прежде всего и самое главное, что, очевидно, надо уяснить относительно работ Ани Ермолаевой: они не являются метафорами чего бы то ни было, и в первую очередь, метафорами «окружающей жизни» и, дескать, ее «проблем». Они не пытаются представить конsumerизм, насилие, нетерпимость и прочую белиберду, которая, как считается, «окружает нас со всех сторон». Или, если говорить точнее, они представляют все это именно как чистую белиберду (поскольку они сами есть нетерпимость, конsumerизм и коловращение насилия, прямое действие, не замечающее самое себя, не обсуждающее, не существующее для самого себя).

«Трехминутная попытка выжить». Но выжить где, среди чего - в подобии броуновского движения, которое все равно находится за гранью жизни и смерти? И кто пытается выжить там - матрешки, молекулы, куриные окорочка? Однако вся их мизерная жизнь и так погружена в заведомое бесчувствие, в небывальщину, присказку - в «хуем груши околачивать» или хуем свет включать/выключать. И естественно, всего лишь окаменевший в эрекции фаллос - голый смысл, равный взгляду, равный бессмыслице, вздымается в тех зонах пространства, где насилие «свертывается в свиток» и обращается само на себя, где всегда происходит одно и то же - тушат свет/зажигают свет, и веселые матримониальные матрешки рушатся, падают со всех сторон.

Любые отсылки к «реальности» будут выглядеть по отношению к этим работам неуместными - вроде жалких рекламных объявлений из видео с эскалаторами петербургского метро: «не забывайте свои вещи в вагонах электропоездов» и какая-то бессмысленная распродажа «обуви весенне-летнего сезон». Видеокамера является здесь отнюдь не журналистским инструментом, не средством плакатного воззвания с его «шершавым языком». Наоборот, это попытка совершенно гладкой, индифферентной, а потому неизбежно дурацкой, дурашливой, невсамделишной фиксации. Нечто сродни фотографирующим приборам физики элементарных частиц - камере Вильсона, пузырьковой камере и т.п. - на той грани, где элементарные основания нашего мира в попытках предельно точно отобразить их оборачиваются галлюцинацией. И в полном соответствии с квантовым принципом неопределенности, фиксирующее устройство само включено в эти бесконечные процессы деструкции и реинкарнации - камера в итоге должна быть покорежена, прострелена, разбита. А потом еще раз и еще раз, по кругу, без конца. (Кстати сказать, это единственное видео, в котором мы можем лицезреть фигуру самой художницы - автор появляется не для того, чтобы найти и запечатлеть нечто, но лишь затем, чтобы сравнить запечатлевающее устройство с прочими страдательными объектами: матрешками, кормяще-кормимыми собачками и вращающимся на гриле куриными окорочками).

Отсюда, в общем, и проистекает основной эстетический прикол этих работ, несмотря на то, что они, как правило, задействуют механические игрушки (или нечто, сравнимое с ними в своей орнаментальности, идиотской заколодованности типа безотказно

вскакивающего от поливки из лейки члена) - всецело управляемые и манипулируемые, у этих работ, кажется, нет демиурга. Не злобный гений-изобретатель, строгающий своих заводных кукол, и не несчастные, восставшие против своего создателя аппараты, но чистые физические силы - гравитационные, пищеварительные, пещеристые тела, которые не являются «хорошими» или «плохими», не могут иметь никаких сторонних наблюдателей, и всегда исчезающе абсолютны. Раз за разом мы видим руки, стаскивающие штанишки с дурацкой фигурки писающего мальчика, но кажется, что они - эти вполне весомые, взрослые, человеческие руки и убогая фигурка, сделанная, наверное, где-то на Тайване - находятся в каком-то равноправном, неразрывном, мы б даже сказали «космическом», менуэте. Равным образом и звучащие игрушки из Аниных «квартетов» и «оркестров», кажется, не нуждаются в подзаводке, но «подзаводятся» сами от себя, от энергии своей собственной, нерушимой, дебильной повторяемости. «Департамент гравитации в министерстве совпадений», (как сказал бы Дюшан, а потом тут же поправился бы и сказал наоборот: «департамент совпадений в министерстве гравитации» - в общем, масло масляное поперек Млечного пути.

Впрочем, конечно, «реальность», «человеческие проблемы»... - кто знает, что это такое? Я набрасывал этот текст, сидя воскресным вечером на скамеечке в главной аллее Пратера. Мимо меня проходили, пробегали, прокатывались субъекты (большая часть из них говорила не на немецком языке), находящиеся под воздействием гравитационных, «пещеристых», спиртуозных и прочее сил. Насколько в этот момент их можно было считать «сознательными людьми»? Или как раз в силу своего бес-сознания они и являлись людьми?

Юрий Лейдерман